

— Верно, но детали почти идентичны, — отец Суна провёл пальцем по картине, не касаясь поверхности.

— Откуда он взял эту картину? — мать Суна с подозрением посмотрела на изображение, в глазах читалась смесь ностальгии и невыразимого чувства. — Это я погубила Аньцина.

— Нет, это не твоя вина. Он взял её из кладовой президента компании Юаньян.

— Ты поверил ему на слово? — мать Суна усмехнулась с презрением. — Возможно, этот молодой человек гораздо хитрее, чем ты думаешь.

— Если бы он не был хитрым, разве он бы попал в Юаньян? Он знает о наших связях с компанией?

— И ты всё ещё хочешь считать его братом?

— Откуда ты знаешь? — отец Суна заподозрил, что мать установила за ним слежку.

— По тому, как ты обычно ведёшь себя с ним, словно лучшие друзья. Это очевидно.

Отец Суна выхватил у матери стакан с лимонной водой и сделал глоток.

— На этот раз ты ошиблась. Я хочу усыновить его.

— Кхе, кхе... Ну что ж, твой выбор, — мать Суна свернула картину. — Не стоит тревожить Юаньян, иначе мы рискуем втянуть в это Су Тяньшао. Хотя я не знаю, друг он или враг, но пока он на нашей стороне, его нужно защитить.

Глядя на спокойное выражение лица матери, Сун Минцзэ вздохнул с сожалением.

— Это не твоя вина. После стольких лет без новостей кто бы мог подумать, что они всё ещё интересуются Аньцином.

— Один мой друг из полиции сказал мне, что его поведение может быть вызвано двумя причинами: либо он ностальгирует, либо он педофил. А то, что он не отпускает Аньцина, вероятно, потому что тот — единственный ребёнок, который смог от него сбежать.

— Но Аньцин говорил, что был ещё один мальчик, который спас его, — мать Суна улыбнулась.

— Но этот глупец всё забыл, и слава богу, что забыл.

— Я хотела найти того мальчика и отблагодарить его, но потом подумала, что если мы начнём его искать, это может навредить ему. Мы смогли защитить Аньцина, но родители того мальчика могли не справиться.

Мать Суна больше не обращала внимания на отца, бормоча что-то себе под нос, поднялась на второй этаж.

Эта картина была заказана специально для Сун Аньцина, но после его возвращения из пропажи, когда он лежал в больнице с высокой температурой, она таинственным образом исчезла. Теперь она вернулась таким странным образом, и это была даже не оригинальная версия. Отец Суна закрыл глаза, размышляя: кто же мог украсть эту картину?

Все думали о картине, и даже сам Сун Аньцин, герой изображения, размышлял о ней, лежа в одиночестве в постели. У него не было чётких воспоминаний, но он чувствовал, что человек на

картине — это он, и что появление картины в этот момент было странным. Ответы на вопросы тоже казались ему подозрительными, и он ощущал, что что-то вышло из-под контроля.

Пока все готовились к следующим заданиям, съёмочная группа уже выложила промо-ролик на официальный блог. В нём не было ни слова о Су Тяньшао, ни о том, что произошло в комнате с загадками, словно всё это было лишь плодом воображения Сун Аньцина.

Во время съёмок Сун Аньцин взял телефон и начал просматривать последние новости из мира шоу-бизнеса. Хотя было всего несколько упоминаний об их шоу, он терпеливо прочитал всё до конца. Однако комната с загадками, через которую они прошли, нигде не упоминалась.

Сун Аньцин усмехнулся. Всё было иначе. Так что же задумал Су Тяньшао? Раньше он, поддавшись уговорам И Шаохуа, хотел завязать с Су Тяньшао отношения без обязательств, но теперь, после внезапного раскрытия правды, у него не осталось никакого желания.

Утро в горах было тихим и пугающим. Хотя вокруг не было ни души, атмосфера была гнетущей. Сун Аньцин машинально потянулся к карману, но вспомнил, что сейчас у него нет привычки курить. Этот Су Тяньшао — настоящий вредитель.

Как старик в парке, Сун Аньцин, не обращая внимания на странные взгляды оператора, выполнил несколько упражнений из комплекса «Бадуаньцзинь», затем подошёл к большому дереву, облокотился на него и посмотрел вниз на долину. Ничего. Как и тогда, когда он стоял на верхнем этаже и смотрел вниз — ничего.

Сун Аньцин горько усмехнулся. Не думал, что тот, кто бросил его — это Су Тяньшао, и тот, кто спас его — тоже он. Но после того случая с попыткой самоубийства он больше не думал о смерти. Как мог такой молодой человек с влиятельной семьёй просто умереть? Неужели он просто уснул и не проснулся?

Размышления ни к чему не вели, но когда он повернулся, то увидел того, кого меньше всего хотел видеть, — Бай Лучэня.

— Цин-гэ, ты так рано встал? Я думал, только я один такой ранний, — Бай Лучэнь с лёгкостью подошёл к Сун Аньцину, но сдержанно остановился на расстоянии метра.

— Не рано, уже шесть часов, — Сун Аньцину нечего было обсуждать с Бай Лучэнем, поэтому он сухо ответил и замолчал.

— Слышал, что мы с Цин-гэ одного года обучения. Почему ты решил дебютировать раньше? — Бай Лучэнь смотрел своими большими наивными глазами, словно не видел ничего странного в своём вопросе.

— Мне только исполнилось двадцать три месяца назад. А тебе сколько? — Сун Аньцин ответил вопросом на вопрос, вспомнив, что в прошлой жизни Бай Лучэнь стал популярным благодаря своему детскому лицу.

Бай Лучэнь усмехнулся.

— Я называю тебя Цин-гэ по старшинству в шоу-бизнесе, ничего личного. Не знал, что ты так переживаешь из-за возраста. Прощу прощения.

Даже затронув болезную тему, Бай Лучэнь оставался спокойным и добродушным, словно неправ был Сун Аньцин.

— О, я не переживаю. Мне двадцать, мне нечего стыдиться, — в этот момент Сун Аньцин не был ни импульсивным юношей, ни человеком, испорченным шоу-бизнесом. Он был просто тем, кто увидел соперника.

— Мне в моём возрасте дебютировать немного неловко, но ничего страшного, ты как думаешь?

Даже если он больше не любил Су Тяньшао, он всё равно должен был нанести удар по сопернику.

— Ты так молод, что говоришь о возрасте? Что скажут те, кто дебютировал в тридцать?

Бай Лучэнь сегодня был странным, словно специально провоцировал Сун Аньцина. Но Сун Аньцин не мог вспомнить ничего, кроме того, что в прошлой жизни они пересекались из-за Су Тяньшао. Было ли что-то ещё, о чём он не знал?

— Мы разные. Я — это «глупая птица, которая летит раньше», а они — таланты.

Сун Аньцин улыбнулся в камеру.

— Глупость — это не грех, бездарность — вот грех. Слова знаменитого философа Ху Бацзи Цзаоли Сюй.

Бай Лучэнь замер, пытаясь вспомнить, слышал ли он о таком философе.

— Из какой он страны?

Сун Аньцин, застигнутый врасплох внезапным любопытством Бай Лучэня, загадочно улыбнулся.

— Молодой человек, время позднее, я пойду.

Сказав это, Сун Аньцин ушёл, не заметив мгновенной вспышки злости на лице Бай Лучэня. Но так как это произошло вне камеры, весь эпизод выглядел как обычная шутка между двумя молодыми людьми.

Режиссёр решил, что этот момент идеально подойдёт для бонусного материала. Кто бы мог подумать, что случайная перепалка Сун Аньцина с его прошлым соперником принесёт ему волну популярности. С этого момента прозвище «Сун Дюй-дюй» стало известным.

Съёмочная группа назначила сбор на восемь утра, а сейчас уже семь. Остальные четверо спали как убитые. Сун Аньцин усмехнулся. Почему они могут спать?

Он взял телефон, зашёл в комнату И Шаохуа и Цзун Чжэнсы, включил их тренировочную песню и сел между их кроватями, запустив песню на повтор.

Как по рефлексу, двое, не понимая, что происходит, вскочили и начали умываться. Даже люди в соседней комнате проснулись от знакомой мелодии.

Когда все окончательно проснулись, они увидели Сун Аньцина, спокойно сидящего в углу.

— Лао Сы, это нечестно, — после формирования группы из пяти человек они пересортировались по возрасту, и Сун Аньцин был предпоследним.

— Сяо Сань, опоздал, а ещё жалуешься? — к несчастью, И Шаохуа был третьим, и даже если он

был младше на несколько дней, это не изменило его места.

<http://bllate.org/book/16433/1489753>